

Аксенов В. С.

К вопросу интерпретации некоторых комплексов Маяцкого селища

История археологии знает немало примеров введения в научный оборот новых памятников, отдельных комплексов с не совсем точной первичной интерпретацией. С накоплением новых материалов появляется возможность уточнить, дополнить, а иногда и существенно изменить наши представления о том или ином археологическом артефакте. Увеличившееся за последнее время количество исследованных салтовских погребений по обряду трупосожжения в бассейне Северского Донца, а также подобных им кремаций в Кубано-Черноморском районе заставило нас вновь обратить свой взор на комплексы, открытые еще во второй половине 60-х годов XX в. на Маяцком селище археологической экспедицией Харьковского госуниверситета под руководством В. К. Михеева и трактуемые исследователем как погребения по обряду трупосожжения [1, с.16-17].

Северо-западная окраина Хазарского каганата является довольно сложным в этническом плане регионом. Общепризнанным является факт присутствия здесь, наряду с алано-болгарами, неизвестного этноса, оставившего захоронения по обряду трупосожжения [2, с.83]. На сегодняшний день в верхнем течении Северского Донца находятся хорошо исследованные салтовские могильники с кремациями, такие как Сухая Гомольша, Лысый Горб, Новая Покровка, биритуальные Красная Горка и Пятницкое, а также отдельные поминальные комплексы (Кочеток, Тополи). Все это позволяет на данном этапе изучения салтовских кремационных захоронений определить признаки, характеризующие погребальный обряд населения оставившего данный тип захоронений. Для этого стоит обратиться к материалам достаточно хорошо исследованных могильников с кремациями – Сухая Гомольша и Красная Горка [3; 4].

Более половины захоронений могильника Сухая Гомольша относятся к типу ямных. Наибольшая длина могильных ям составляет 1,35 м, а глубина доходит до 0,77 м от современной поверхности почвы. Вне зависимости от формы могильной ямы 72% ямных захоронений некрополя содержат неочищенные от остатков погребального костра пережженные человеческие кости. При этом 64% ямных сожжений содержат погребальный инвентарь, который в большинстве своем носит следы пребывания в огне, а предметы вооружения, конского снаряжения, котлы, вилки для доставания мяса из котлов несут следы преднамеренной порчи.

В 63 случаях остатки сожжения помещены в неглубокие (в среднем 0,4 м от современной поверхности почвы) могильные ямы, имеющие в плане круглую форму, диаметр которых в большинстве случаев составляет 0,3-0,4 м. Захоронения в ямах круглой формы содержали минимальное количество погребального инвентаря, который представлен предметами личного убора, украшениями и отдельными орудиями труда. Как исключение можно отметить случаи, когда рядом с могильной ямкой находился целый сосуд-приставка (погр. №119, 220) или фрагменты керамического сосуда перекрывали сверху яму с сожжением (погр. №219).

Кремации, помещенные в могильную яму вытянутых очертаний (овальные и прямоугольные с закругленными углами), являются доминирующими для захоронений могильника. Их глубина не превышает 0,8 м от современной поверхности почвы. При этом в данных захоронениях достаточно хорошо прослеживаются две тенденции в ориентировке могильных ям: широтная (по линии восток-запад) и меридианальная (по линии север-юг). Сожжения с широтной ориентировкой численно преобладают. Именно для них характерно наличие рядом с могильными ямами тайничков, содержащими предметы вооружения и конского снаряжения (погр. №№17/комплекс II, 46/комплекс V, 63/комплекс VII, 122/комплекс IX, 214/комплекс VI, 230/комплекс XIV), подмазка стенок и дна ям глиной (погр. №№ 109, 117, 259, 260, 302, 304), присутствие в захоронении сосуда-приставки (погр. №№ 111, 117, 277, 259, 302, 304) (Рис.1, 4,5,7). В тех случаях, когда пережженные человеческие кости были сложены в кучку или сохранились достаточно крупные фрагменты костей черепа, то они концентрировались в западном конце могильной ямы. В ямах с меридианальной ориентировкой кальцинированные человеческие кости располагались в южном конце ямы, противоположный конец ямы занимал погребальный инвентарь. Среди пережженных человеческих костей и в засыпке могильных ям захоронений были обнаружены фрагменты салтовской керамики.

Среди кремационных захоронений биритуального могильника Красная Горка, также как и в Сухогомольшанском некрополе, преобладают ямные погребения (74 из 121 захоронения по обряду трупосожжения). Пережженные кости помещались в могильные ямы круглой, овальной и прямоугольной формы, максимальные размеры которых сопоставимы со средними размерами могильных ям рядовых захоронений по обряду трупосожжения (Рис.1, 3,6,8). Глубина могильных ям незначительная (от 0,3 до 0,8 м от современной поверхности почвы), все ямы находились в слое чернозема, из-за чего контуры могильных ям было проследить достаточно сложно. Могильные ямы кремационных захоронений вытянутых очертаний были ориентированы по линии север-юг или восток-запад. Преобладающей ориентировкой для ямных сожжений могильника Красная Горка является широтная. Кальцинированные человеческие кости в большинстве захоронений были очищены от следов погребального костра, погребальный инвентарь носит следы пребывания в огне, предметы вооружения были подвергнуты преднамеренной порчи, металлические котлы смяты.

Таким образом, салтовские ямные кремационные захоронения обладают рядом устойчивых признаков: 1) остатки сожжений помещались в неглубокие (не более 0,8 м) могильные ямы круглой или вытянутых (овальных или прямоугольных) очертаний; 2) ямы вытянутых очертаний ориентированы в широтном или меридианальном направлении, с размещением остатков сожжений в западном или южном краях ям; 3) кремации могли содержать как очищенные, так и неочищенные от следов погребального костра пережженные человеческие кости;

4) погребальний інвентар в захороненнях представлений личними украшениями, елементами одягу, изредка, орудиями труда; 5) рядом с некоторыми захоронениями находятся «тайнички», содержащие в основном предметы вооружения и конского снаряжения; 6) инвентарь захоронений носит следы пребывания в огне погребального костра; 7) предметы вооружения и конского снаряжения, котлы, вилки, преднамеренно сломаны; 8) в засыпке некоторых могильных ям встречается небольшое количество фрагментов салтовской столовой керамики.

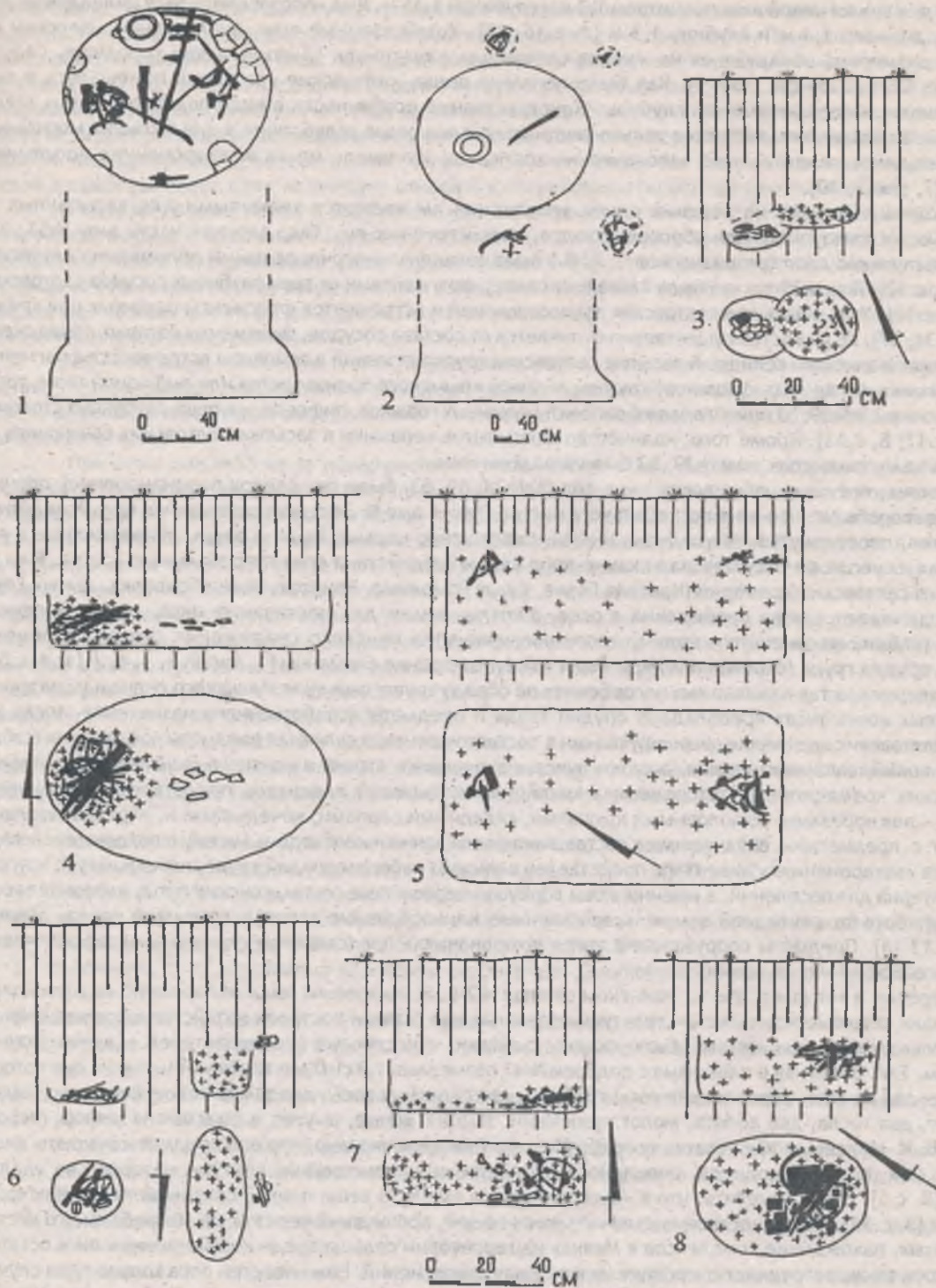

Рис.1 Комплексы с Маяцкого селища №2, захоронения Сухогомольшанского и Красногорского могильников.

1 — яма №53 (Маяки); 2 — яма №34 (Маяки); 3 — погр. № 318 (Красная Горка); 4 — погр. №252 (Сухая Гомольша); 5 — погр. №214 (Сухая Гомольша); 6 — погр. №189 (Красная Горка); 7 — погр. №17 (Сухая Гомольша); 8 — погр. №162 (Красная Горка).

Все выше сказанное позволяет по-иному взглянуть на комплексы, обнаруженные археологической экспедицией В. К. Михеева на территории Маякского селища. Детальное ознакомление с полевыми дневниками позволяет усомниться в интерпретации данных комплексов как погребений по обряду трупосожжения.

На невозможность трактовки комплексов Маякского селища как захоронений указывает, во-первых, тот факт, что комплексы (№34, 39, 53) обнаружены в ямах близких по размерам и конструкции к обычным хозяйственным ямам (Рис.1, 1,2). Так, «погребение» №34 было помещено на дно круглой ямы диаметром 2,0 м и глубиной 1,5 м от современной поверхности почвы. Стенки ямы у дна имели подбой. «Погребение» №53 совершено на дне аналогичной ямы диаметром 1,2 м и глубиной 1,45 м. Яма «погребения» №39 цилиндрической формы имела диаметр 1,4 м и глубину 1,3 м [1, с.16, 17]. Хозяйственные ямы, аналогичные маякским по устройству и размерам, обнаружены на многих салтовских памятниках (Дмитриевское городище, Саркел и др.) [5, с.46-47; 6, с.86-88, табл.2]. Как было показано выше, салтовские сожжения помещались в ямы меньших размеров и незначительной глубины. Конструктивные особенности в виде подбоев для них также не характерны. Исключением являются только специально сделанные углубления в дне больших могильных ям, куда помещались пережженные человеческие кости, как это имело место в захоронениях могильника Лысый Горб [7, рис.2, 10].

Во-вторых, находки из верхних слоев заполнения ям являются типичными для засыпанных за ненадобностью, используемых для сбросов отходов, хозяйственных ям. Так, верхняя часть ямы №53, «на толщину культурного слоя (разрядка моя — А. В.) была завалена многочисленными обломками салтовской керамики» [8, с.12]. Яма №39 так же была «завалена сверху фрагментами от трех разбитых сосудов салтовской культуры» [1, с.17]. Хотя в засыпке салтовских трупосожжений и встречаются фрагменты разбитых при тризне сосудов [7, с.34, 37], но их состав существенно отличается от состава сосудов, фрагменты которых обнаружены в указанных ямах Маякского селища. В засыпке салтовских трупосожжений в основном встречаются фрагменты столовой керамики — лощеных кувшинов, кружек, ойнохой крымского производства или амфорной тары, тогда как в заполнении ям №№39, 53 преобладали фрагменты кухонных горшков, пифосов, крупных двуручных столовых горшков [1, с.17; 8, с.13]. Кроме того, количество фрагментов керамики в засыпке салтовских сожжениях не велико, тогда как упомянутые ямы №39, 53 были завалены ими.

В-третьих, все вещи, обнаруженные в ямах №№34, 39, 53, были без следов преднамеренной порчи и не несли следов пребывания в огне погребального костра. Так, в яме № 34 лежал совершенно целый железный клепаный котел, перевернутый вверх дном, и коса. Совершенно целыми были и вещи, обнаруженные в яме №53. На вещах из обоих ям отсутствовали какие-либо следы воздействия огня погребального костра. В то же время, вещи из салтовских кремаций (Красная Горка, Сухая Гомольша, Кочеток, Новая Покровка, Лысый Горб, Тополи) всегда имеют следы пребывания в огне, а котлы, вилки для доставания мяса, ножи, предметы вооружения (сабли, наконечники копий, топорики-чеканы) и конского снаряжения (удила, стремяна, начельники), орудия труда (серпы, косы) еще были и преднамеренно сломанны [1, рис.8: 1, 3, 4, 7-11; 4, с.51].

В-четвертых, в так называемых погребениях по обряду трупосожжения Маякского селища и связанных с ними вещевых комплексах преобладают орудия труда и предметы хозяйственного назначения, тогда как в известных салтовских кремациях доминирующими в составе инвентаря являются предметы вооружения (сабли, наконечники копий, топорики-чеканы, остатки луков, наконечники стрел) и конского снаряжения [9, табл.1, 2]. В салтовских кремационных захоронениях хозяйственно-бытовой инвентарь представлен единичными предметами — ложкорезами, рыболовными крючками, складными серпами, кочедыками и, изредка, теслами-мотыжками, т.е. предметами, входившими в состав экипировки воина и необходимыми ему в походных условиях. В маякских же «захоронениях» инвентарь представлен широким набором орудий труда, номенклатура которых больше характерна для поселений, а именно: косы-горбуши, черешковые серпы, конские путы, железная оковка лопаты, струг, ботало, накладной замок, хозяйственные клинообразные топоры, проушные тесла, дверной пробой [8, с.13-14]. Предметы вооружения в этих «захоронениях» представлены единичными экземплярами, в основном — наконечниками копий.

Интересен и тот факт, что на Маякском селище №2 В. К. Михеевым было обнаружено еще несколько ям, содержащих вещевые комплексы и трактуемые ученым как остатки построек хозяйственного назначения. По многим показателям данные ямы были сходны с ямами, относимыми исследователем к кремационным захоронениям. Так, овальная в плане яма с подбоем №47 размерами 1,8x1,0 м и глубиной 1,4 м, на дне которой были найдены два лемеха, чересло, две косы-горбуши, две складных косы, два замка от кос, серп, перовидное сверло, струг, два тесла, два долота, молот кузнечный, замок с цепью, амулет и фрагменты амфор, пифоса, определена В. К. Михеевым как остатки погребя [8, с.4]. При этом указано, что все предметы покрыты слоем пожара, а сам погреб находился, очевидно, в хозяйственном помещении, контуры которого не удалось проследить [8, с.5]. Стоит отметить, что в «захоронении» в яме №53 вещи плохой сохранности были покрыты налетом гари [8, с.13]. Это существенно отличает их от вещей, прошедших через огонь погребального костра.

В-пятых, нахождение комплексов в Маяках на территории селища среди хозяйственных ям и остатков жилых построек также затрудняет отнесение их к разряду захоронений. Нам известен пока только один случай, когда захоронение по обряду кремации было обнаружено среди одновременных с ним жилых построек. Урновое сожжение вольнецовской культуры было открыто на Битице [10, с.28]. На салтовских поселениях пока известны захоронения, совершенные в хозяйственных ямах, жилых постройках, в катакомбах, расположенных среди жилищ, но по обряду трупоположения [11, с.10-104]. При этом салтовские ингумационные захоронения, произведенные в могильных ямах, идентичных по конструкции с ямами «кремационных захоронений» Маякского селища, обладают рядом устойчивых признаков, указывающих на их ритуальный характер, а именно: преднамеренное частичное разрушение скелетов; втискивание в могильную яму покойников, не помещавшихся

в длину; частые захоронения не на дне, а в заполнении ям; малочисленность вещей при погребенных или полное их отсутствие [6, с.85]. На ритуальный характер таких захоронений указывает и факт нахождения вместе с человеческими костями останков собак и лошадей [6, с.81-84], т.е. тех животных, которые у многих народов приносились в жертву божествам различных природных стихий (воде, огню, земле), выступали строительными и выкупными жертвами [12, с.4-9].

Факт нахождения в яме №53 четырех человеческих черепов, по нашему мнению, также не может служить основанием для причисления данного комплекса к разряду кремационных погребений [1, с.17, рис.16: 5]. Человеческие черепа в данном случае находились в заполнении ямы, выше ее дна на 0,25 м [8, с.13], т.е. также как и кости людей в ритуальных погребениях с салтовских поселений. По-видимому, в данном случае в силу каких-то причин в яму была помещена только часть человеческого тела, а именно его голова (череп). Факт наличия у салтовского населения Подонья культа черепов общеизвестен. Свидетельством этого являются захоронения одних человеческих черепов на могильнике Красная Горка [4, с.48]. Вероятно, в контексте этого культа и следует рассматривать найденные в яме №53 человеческие черепа. Таким образом, только по наличию в данной яме прослойки древесного угля, человеческих черепов и без наличия пережженных человеческих костей данный комплекс вряд ли следует относить к погребениям по обряду трупосожжения.

К тому же, в ямах №№54 и 55, расположенных в непосредственной близости от ямы №53, также были обнаружены, наряду с железными орудиями труда и быта, «плохо сохранившиеся остатки костей рук и ребер человека» и «плохо сохранившиеся кости черепа человека» [8, с.14, 15]. При этом, размерами, конструкцией, составом вещевых комплексов обнаруженных в них, ямы №№54 и 55 подобны «кремационным захоронениям», совершенным в ямах №№34, 39, 53. Однако, все это не позволило исследователю памятника почему-то посчитать данные комплексы захоронениями.

Таким образом, комплексы №№34, 39, 53, обнаруженные на территории Маякского селища, по-нашему мнению, нельзя считать погребениями по обряду трупосожжения. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с какими-то объектами хозяйственного назначения, в которых хранился разнообразный инвентарь и снаряжение коня.

При этом яма №53 из-за обнаруженных в ней человеческих черепов, вероятно, могла как-то быть связанной с отправлением каких-то ритуальных действий. В то же время, велика вероятность и случайного попадания черепов в эту яму, ибо они могли попасть в нее уже после того, как вещи, покрытые слоем гари, оказались перекрыты слоем чернозема с остатками древесного угля. Тем более, что в засыпке рядом расположенных ям №№54 и 55 также были обнаружены разрозненные человеческие кости и вещи хозяйственно-бытового назначения, куски глиняной обмазки [8, с.15]. Это позволяет предположить, что факт обнаружения большого количества одновременных комплексов, содержащих широкий набор разнообразных вещей, человеческие кости, по-видимому, свидетельствует о каких-то трагических событиях, произошедших в жизни населения данного поселения. Как предполагают некоторые исследователи, на Маякском городище присутствуют следы, свидетельствующие о печенежском погроме – массовое захоронение жертв, произошедшим во время гражданской войны в каганате [13, с.269].

Возможно, возникновение данных комплексов в хозяйственных ямах Маякского селища является свидетельством этих трагических событий. Хотя не исключено, что данные комплексы связаны с мусульманским периодом существования городища и отражают последствия погрома уже X в. [14, с.168].

1. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. – Харьков, 1985.
2. Плетнева С. А. Хазарские проблемы в археологии // СА. – 1990 – №2.
3. Михеев В. К. Сухогомольшанский могильник // СА. – 1986 – №3.
4. Михеев В. К. Погребальный обряд Красногорского могильника салтово-маяцкой культуры // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. – Казань, 1990.
5. Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М, 1989.
6. Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь». – Воронеж, 1996.
7. Аксенов В. С., Воловик С.И. Новый салтовский могильник в верхнем Подончье // Донская археология. – 1999. – №3-4.
8. Михеев В.К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского района Донецкой области за 1966 г. – Харьков, 1967 // Архив МАЭСУ.
9. Аксенов В.С. К вопросу об уровне вооруженности населения салтовской культуры (по материалам погребений с сожжением Сухогомольшанского и Красногорского могильников) // Вісник ХДУ. – 1998 – №413. – Вип.30.
10. Сухобоків О. В. До походження та інтерпретації пам'яток волинцевського етапу культури літописних сіверян // Археологія. – 1999. – №2.
11. Винников А. З., Афанасьев Г. Е. Культурные комплексы Маяцкого селища. – Воронеж, 1991.
12. Аксенов В. С. Захоронения коней в погребальных обычаях населения салтовской культуры // Актуальні проблеми вітчизняної та універсальної культури. – Харків, 1998.
13. Копыл А. Г., Татаринов С. И. Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. – 1979. – №1.
14. Комар О. В. Коментарі до статті: Тахтаї А. К. Погребальный комплекс хазарской эпохи из округа Г. Чистяково Сталинской области // Vita antiqua. – 1999. – №2.